

будит человеческое, утверждает человеческое, призывает к человеческому». «...Слушая Ауэрбах, не знаешь, чему больше дивиться: поразительной ли широте ее писательских интересов, глубине ли знаний человеческой души, артистическому ли таланту». «...Да, взгляд ее зорок. Но холодных наблюдений в рассказах не чувствуется. А вот доброе расположение к людям, улыбка — это есть».

Можно было бы продолжить это цитирование, свидетельствующее о популярности актрисы.

Но далеко не все знают Елизавету Борисовну Ауэрбах как педагога. В нескольких школах Москвы она ведет уроки внеклассного чтения в младших классах. Вот что она рассказывает...

Я НИКОГДА не думала, что моя любовь к детям в конце концов приведет меня в школу и займет такое значительное место в моей жизни. И дело, конечно, не только в том, что, однажды перешагнув порог школы, я уже не смогла не прийти в нее еще и еще, хотя свободного времени не так уж много. Дело даже не в том, что теперь я на все сюжеты — жизненные и литературные, на все истории, где-то услышанные, смотрю с точки зрения — может ли это быть интересно детям? И для какого возраста?

Мои друзья, вернее, друзья детей, мне помогают: коллегам художница М. Кутузова уже не первый год иллюстрирует рассказы, которые я читаю детям. Ее яркие, выразительные рисунки очень им понравились. Другая, владеющая иностранными языками, — В. Н. Андреева и В. Дубот тоже нет-нет да положат на мой стол ее изданную на русском языке французскую, английскую сказку, или очерк некоего исследователя подземных рек, или японскую легенду о раковине, которая плачет... Таким образом меня постепенно полюбилась интересная библиотека.

Писатель Джанни Родари казал, что детям нужно все: им надо и радоваться и страдать за своих героев, им надо и любить и ненавидеть, надо и смеяться и плакать. Я и стараюсь, чтобы в моей библиотеке было все и на все возрасты.

Многие педагоги стали подсказывать мне темы, которые будут проходить в классе, чтобы я заранее подготовила литературу, которая заинтересовала бы детей. Вот в таком взаимном желании донести до ребят необходимое можно достичь больших успехов. Ведь цель любого общения со школьниками состоит не только в том, чтобы доставить радость интересным рассказом. Читая рассказы и сказки, я говорю о поведении, о воспитании, о чужости, о нежности, о порядочности, о подлости и, конечно, о любви. Все это не

менее важно для будущих граждан, чем математика, география и другие предметы.

Обсуждая с детьми плохие и хорошие поступки литературных героев, те или иные события, я заставляю их мыслить, осознавать. Поэтому, прослушав рассказ, дети хорошо запоминают его.

Далеко не все ребяташки любознательны и любопытны — это большой недостаток. Но и не все они музыкальные, ритмичные. То и другое можно развивать.

Я училась в школе, где молодой директрисе Н. И. Сац, натуре смелой и артистической, Луначарский предоставил свободу в разработке методов преподавания. Одним из новых предметов в этой школе было «Восприятие музыки», или «Слушание музыки». В большой комнате, пол которой был застелен ковром, стоял только рояль. Дети усаживались на ковер, а пианист — за инструмент. Он играл, мы слушали. Это были Шопен и Чайковский, этюды и вальсы, польки и ноктюрны. Пианист просто играл, а дети просто слушали. Музыкантов из нашей школы вышло немного (я знаю только Кондрашина), но мы все научились не только слушать музыку, но и слышать ее. Это так прекрасно.

Бывая в разных школах, видишь, как все они непохожи при кажущейся одинаковости. Взять хотя бы большую перемену. В иных школах дети бегают по коридорам, играют. Конечно, под присмотром взрослых.

от девочки. А вот молодой учитель французского языка играет с мальчишками в салочки. В школьном музее вожатая показывает малышам выставку.

Это осмысленная разрядка.

В спецшколе Черемушкинского района в перемену дети уныло слонялись по коридору. Между ними чинно прохаживались учителя.

Елизавета АУЭРБАХ

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Я предложила детям поиграть. Они радостно обступили меня, но не успела я объяснить правила игры, как ко мне подошла учительница.

— У нас в школе, — сказала она с достоинством, — дети в перемену не должны играть.

Ошеломленная, я спросила:

— А что они должны делать?

— Ходить попарно, — ответила учительница.

Я рассказала этот эпизод очень старому, заслуженному педагогу.

— Даже «в институте благородных девиц», — улыбнулся он, — детям разрешали в перемену играть. Это же необходимо.

Не часто, но все же встречаешь в школе учительниц неряшливо причесанных. Я понимаю: им так же, как и мне, не хватает времени. И все же нельзя забывать, что педагог всегда, во всем — пример.

От того, насколько он опрятен, подтянут, предупредителен, внимателен, чуток в отношении с детьми, зависит сила его воспитательного влияния на них.

Как-то после уроков я осталась с детьми продленного дня и, сев уютно в кружок, попросила каждого из них рассказать мне, как они проводят воскресенье.

Восьмилетний мальчик Саша очень подробно и интересно рассказал о рыбалке с отцом, но я заметила, что лица детей были странно недоверчивы и насмешливы.

Когда за этим мальчиком пришли и он ушел, я спросила ребят, почему они так

— Он же все вам наврал. — Мы с ним живем в одном доме, — добавили соседи. — Он все воскресенье не вылезает со двора. Ему отец в субботу наобещает, а в воскресенье напьется... Вот он и придумывает...

Я стала пристальнее приглядываться к Саше. Умный, немного замкнутый мальчик, но счастлив, если

его приласкаешь! Не хватает ему ласки! Родной матери у него нет. Отец женился вторично. Новая мама не полюбила мать отца, и бабушка, которую мальчик обожал, почти перестала бывать у сына. Саша встречается с ней урывками.

Должна ли все эти семейные драмы знать школа?

Я думаю, что да.

Однажды я вошла в класс во время большой перемены и села за стол. Ребята обступили меня, расспрашивали, что я буду сегодня им читать. Все они ели свои завтраки: бутерброды, печенье, фрукты, конфеты. Приятно было смотреть, с каким аппетитом они все это уплетали.

Но вот звонок. Торопливо дожевывая, ребята сели на свои места. И я начала урок так: «Я пришла к вам сегодня из 179-й школы. Там у меня было два первых урока. Около часа я добиралась к вам и очень проголодалась, но, к сожалению, у меня с собою нет бутерброда...» Я останавливаюсь. На меня смотрят 35 пар глаз... В них и удивление, и растерянность... Но вот поднимается рука.

— Почему вы в перемену не сказали нам, что вы голодная?

— Я ждала, что вы сами догадаетесь.

Ребята ошеломлены, им неудобно и стыдно. Равнодушных лиц нет...

Я продолжаю:

— Так, как поступили сейчас вы, поступают те, кто думает только о себе, кто плохо воспитан. Если вы хотите быть такими...

«Нет, — говорят мне их глаза. — Мы не хотим быть такими, мы будем добрыми».

Этот класс, дети которого не делятся со мной своими завтраками. И как бы я ни была сыта, я ем, а они смотрят на меня и получают удовольствие. Я тоже...

Как-то я попросила маленьких друзей написать и прислать мне по почте свою мечту. Хотя бы одну. Через неделю мой почтовый ящик принял не один десяток конвертов, напечатанных детских почерками. Были письма и грустные, были и комичные. Мечтой многих было иметь животное — собаку, кошку, хомяка, черепаху. Дети хотят заботиться о них, растить, защищать, любить...

Любовь! Дети испытывают в ней большую потребность. Они хотят любить весь мир! Хотят любить родителей, учителей. Хотят, чтобы и учителя любили их. И безошибочно чувствуют — любят их человек или нет. Взрослого человека можно обмануть. Еще как! А ребенка нельзя. Это первое и, наверно, главное, но это не все. Я уверена, что дети чувствуют мое уважительное к ним отношение. Я никогда на них не кричу, не отмахиваюсь от них, не спешу осудить. Если так можно выразиться, я с ними внутренне «на Вы». Я не хочу их ни в чем подозревать, я говорю им, что хочу им только верить... и они верят мне. Вот и все.

На случай, если в классе есть рожденик, у меня всегда припасены маленькие сувениры. Это сущие пустяки — календарик, шоколадная медаль, значок. Однажды рождеников не оказалось. Я начала урок. Вдруг поднялась рука.

— Ты вспомнил, что сегодня день твоего рождения? — спросила я.

— Нет, — ответил мальчик, — но сегодня у моей мамы день рождения... а она очень любит подарки.

Я не задумывалась над вопросом — любят ли меня дети? Мне вполне достаточно того, что их люблю я. Я сделала для себя открытие, что, входя в класс, чувствую гораздо большую ответственность, чем выходя на эстраду... Может быть, это оттого, что после концерта, расставшись со зрителями, я не могу рассчитывать на скорую с ними встречу; а может быть, и никогда не встречусь. А с учениками встречаюсь. Встречусь. Это накладывает на меня совсем иную ответственность и дает иные радости, так не похожие на радость услышанных аплодисментов.